

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

Легенды Западного побережья

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Л 38

Ursula K. Le Guin
GIFTS
VOICES
POWERS

Copyright © Ursula K. Le Guin
All rights reserved

This edition published by arrangement with Curtis Brown, Ltd.
and Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского Ирины Тогоевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

ISBN 978-5-389-09955-5

© И. Тогоева, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Проклятый дар

ГЛАВА I

Он был совсем несчастным, когда приبلудился к нам. Пропавший человек, и, боюсь, те серебряные ложки, которые он у нас украл, тоже его не спасли. Особенно там, куда он отправился, сбежав из Каспроманта. И все же путь нам указал именно он, этот жалкий беглец.

Это Грай сказала, что он — беглец. Она почему-то сразу решила, что он совершил у себя на родине нечто ужасное, убийство или предательство, и теперь скрывался от возмездия. И правда, что еще могло привести сюда жителя Нижних Земель?

— Да простое незнание, — возразил я ей. — Он ничего о нас не знает, вот и не боится нас.

— Нет, он сказал, что люди его предупреждали. Говорили, чтоб не ходил в те края, где колдуны и ведьмы живут.

— Но он ведь ничего не знает о том, на что мы способны, — сказал я. — Считает это пустой болтовней, слухами, сказками...

Несомненно, правы были мы оба. Конечно же, Эммон был беглецом. И хорошо еще, если его погнала сюда честно заработанная слава вора или просто скука. Он был похож на щенка гончей — такой же беспокойный, бесстрашный, любопытный и непоследовательный — и повсюду совал свой нос. Вспоминая теперь, какой у него был акцент и какие странные обороты речи, я понимаю, что пришел он издалека, с самого юга, из краев более далеких, чем даже Алгаланда, где истории о Верхних Землях кажутся просто выдумками, старинными легендами о том, как в далеких северных краях, среди покрытых вечными снегами гор живет племя злых колдунов, которые творят немыслимые вещи.

Если бы Эммон поверил тому, что ему рассказывали в Даннере, он никогда бы не решился пойти в Каспромонт. А если бы он поверил нам, то никогда не отправился бы еще выше в горы. Ему очень нравились всякие старинные истории, и он всегда внимательно слушал то, что рассказывали ему мы, но вряд ли он нам верил. Ну что ж, городской человек, к тому же из образованных, и немало

бродил на своем веку по Нижним Землям. Мир он, можно сказать, повидал. А кем были мы с Грай? Что мы знали о мире, слепой мальчик и молчаливая девочка шестнадцати лет, всю жизнь окруженные дикими предрассудками, нищетой и убожеством забытых богом и людьми горных ферм, которые мы так гордо называли своими владениями? А он — в своей ленивой доброте — побуждал нас рассказывать о тех великих дарах, которыми владеем мы, жители Верхних Земель, и при этом отлично видел, какую жалкую жизнь мы вынуждены владеть, сколько на фермах искалеченных, отсталых, темных людей, сколь сильно наше невежество, сколь мало мы знаем о том, что лежит за пределами этих унылых гор и холмов. Наверное, слушая все это, он про себя смеялся: вот уж воистину великими дарами обладают эти бедняги!

Мы с Грай очень боялись, что, покинув нас, он отправился в Геремант. Тяжело было думать о том, что он, возможно, и сейчас еще там — живой, но угодивший в рабство; и ноги его скручены спиралью, а вместо лица морда чудовища, если так захотелось Эррою, или же он совсем ослеп, по-настоящему (ведь я-то был слеп как раз не по-настоящему). Ведь Эррой ни за что не стал бы терпеть легкомысленные выходки Эммона и его нахальное высокомерие. Наверняка и часа бы не вытерпел!

Я старался, чтобы Эммон и моему-то отцу, Каноку, не слишком часто попадался на глаза и не слишком распускал язык в его присутствии, потому что терпения у Канока хватило бы ненадолго, да и нрав у него был суровый. Однако я совсем не боялся, что отец станет пользоваться своим даром без достаточно веской на то причины. Впрочем, он обращал на Эммона крайне мало внимания. Как и на всех прочих. С тех пор как умерла моя мать, он целиком был поглощен своим горем и затаенной жаждой мести, лелея эту боль, точно дитя. Грай, которая знала все птичьи гнезда вокруг, в том числе и орлиные, однажды видела самца грифа, который сам высиживал два больших серебристых яйца в гнезде на высоком утесе, после того как какой-то пастух убил его подругу, когда она полетела охотиться для них обоих. И теперь гриф высиживал своих будущих детенышей один, не сходя с гнезда и умирая от голода, — вот так и мой отец «высиживал» свою месть.

Для нас с Грай Эммон стал настоящей находкой. Точно яркое неведомое существо, он ворвался в наш мрачный мир. Он щедро утолял наше любопытство, ибо, как оказалось, мы умирали от духовного голода, хотя раньше об этом не подозревали.

Впрочем, рассказывать о Нижних Землях он не любил. Нет, он всегда отвечал на любой мой вопрос, но ответы его зачастую были

шутливыми, или уклончивыми, или просто непонятными. Возможно, в его прошлой жизни было немало такого, что он хотел бы скрыть; к тому же он не умел так остро все подмечать и так ярко рассказывать о любой мелочи, как это умела Грай. Когда Грай была моими глазами, она могла, например, в точности описать, как выглядит новорожденный бычок, какая у него курчавая шкурка с синеватым отливом, какие узловатые ножки и маленькие мохнатые бугорки на месте будущих рогов, так что я почти видел его. А когда я просил Эммона рассказать о городе Деррис-Уотере, он говорил, что городишко так себе, торговли там почти никакой, жизнь скучная. Но я-то знал — по рассказам матери, — что в Деррис-Уотере высокие дома из красного камня, и длинные улицы, и выложенные сланцевой плиткой лестницы, ведущие к причалам, где всегда полно речных судов; что там есть птичий рынок, и рыбный рынок, и рынок, где торгуют всякими специями, благовониями и медом, и блошинный рынок, где торгуют всяким старьем, и рынок, где торгуют только новой одеждой. А еще мать говорила, что в Деррис-Уотере устраивают огромные гончарные ярмарки и на них съезжаются очень много людей из верховий и из низовий реки Тронд и даже с далеких океанских берегов.

Может, Эммону просто не повезло, когда он пытался воровать в Деррис-Уотере?

В общем, как бы то ни было, а он всегда предпочитал сам задавать нам вопросы, а потом, устроившись поудобнее, внимательно слушать наши рассказы — в основном мои. Я-то был готов рассказывать, были бы слушатели. А Грай всегда старалась помалкивать и наблюдать — такой уж у нее был характер, — но Эммон и ее мог запросто в разговор втянуть.

Сомневаюсь, что он понимал, как ему повезло, когда он наткнулся на нас. Впрочем, он весьма ценил наше гостеприимство и то, как мы старались помочь ему скоротать жестокую дождливую зиму. Он явно жалел нас и, несомненно, очень скучал. И был ужасно любопытным.

— Ну и что такого особенно страшного в умении этого парня из Гереманта? — насмешливо спрашивал он, и я тут же изо всех сил начинал убеждать его в том, что сказал чистую правду. У нас о таких вещах, вообще-то, болтать не полагалось — даже промеж себя. А уж тем, кто обладал даром, и вовсе не к лицу было хвастаться или кого-то обсуждать.

— Их род обладает даром твистинга, — сказал я.

— Они что же, крутиться как-то особенно умеют? Как в танце?

— Нет. — Нужные слова оказалось подобрать очень трудно. Да и произнести их вслух — тоже. — Они людей скручивают.

— Скручивают? Может быть, заставляют их вертеться?

— Нет. Скручивают им руки. Или шею. Или все тело возьмут да и перекрутят. — Я, как мог, изогнулся, пытаюсь показать ему, как это бывает, но чувствуя некоторое беспокойство: уж больно опасную тему мы затронули. Потом я догадался привести пример: — Ты видел старого Гоннена? Того лесоруба, что живет у дороги за Ноб-Хиллом? Мы вчера как раз мимо проходили. Грай тебе еще его имя назвала.

— Такой весь согнутый, как щелкунчик?

— Да. Так вот, это с ним брантор Эррой сотворил!

— Значит, это он его чуть ли не вдвое согнул? А зачем?

— Наказал. Сказал, что застиг его на месте преступления, когда он в землях Гере лес воровал.

Некоторое время Эммон молчал, потом задумчиво промолвил:

— Ревматизм тоже может иногда человека так скрутить...

— С Гонненом это случилось, когда он еще совсем молодым был.

— Так ты сам этого не видел? И не помнишь, как это произошло?

— Нет, — сказал я, раздосадованный его легкомысленной недоверчивостью. — Зато он это хорошо помнит! И мой отец тоже. Гоннен ему рассказывал. Он говорил, что в Геремант тогда даже не заходил, а лес рубил поблизости, на нашей земле. Просто брантор Эррой так заорал, когда его увидел, что он испугался и побежал куда глаза глядят. А на спине охапку сучьев нес. А потом вдруг упал, и, когда поднялся, оказалось, что спина у него вся прямо-таки перекручена и на ней вырос горб. Горб у него и сейчас есть. А жена его говорит, что каждый раз, вставая с постели, он прямо-таки криком кричит от боли.

— И как же брантору удалось с ним такое сотворить?

Слово «брантор» Эммон впервые услышал у нас; он говорил, что у них, в Нижних Землях, такого слова нет. Брантор — это хозяин или хозяйка земель, поместья или целого края, а также самый главный человек в семье, обладающий самым сильным даром. Мой отец, например, был брантором Каспроманта. А мать Грай — брантором семейства Барре из Роддманта, а отец Грай — брантором всего Роддманта и главным в семействе Родд. Мы с Грай были наследниками этих семейств, орлятами, подрастающими в больших гнездах.

Я не был уверен, что мне следует ответить на вопрос Эммона. Тон у него, правда, насмешливым не был, но я все же сомневался,

стоит ли вообще хоть как-то распространяться о наших тайных возможностях.

Эммону ответила Грай.

— Брантор просто посмотрел на него, — сказала она очень тихо. Теперь, когда я был слеп, мне ее тихий голос всегда казался чем-то вроде легкого ветерка, играющего в листве деревьев. — А потом указал на него левой рукой или только указательным пальцем левой руки и, возможно, произнес его имя, прибавив еще одно-два слова. И все.

— Какие же это слова?

Грай некоторое время молчала, потом, слегка пожав плечами, сказала:

— Это дар семейства Гере, а не нашей семьи. Мы не знаем, как он действует.

— Он?

— Ну да, их дар.

— А как действует твой дар? Что можешь делать ты? — спросил Эммон. Теперь он стал совсем серьезным, но чувствовалось, что он прямо-таки сгорает от любопытства. — Твой дар, наверное, имеет отношение к охоте? Я прав?

— Дар Барре — это умение призывать, — сказала Грай.

— Призывать? Кого же вы призываете?

— Животных.

— Оленей? — После каждого его вопроса возникала небольшая пауза, вполне достаточная для кивка. Я представлял себе лицо Грай во время этого ответного кивка — напряженное, замкнутое. — Зайцев? Диких свиней? Медведей? Ну хорошо, ты призовешь медведя, и он придет к тебе, и что ты будешь с ним делать?

— Охотники убьют его. — Грай помолчала и тихо прибавила: — Но я не призываю зверей, чтобы их убивали охотники.

И голос ее, когда она это сказала, стал похож не на шелест листьев, а на свист ветра в скалах.

Наш друг вряд ли, конечно, понял, что она имела в виду, но тон ее, видимо, несколько его охладил. Он не стал больше к ней приставать и повернулся ко мне:

— Ну а ты, Оррек? Каков твой дар?

— У меня тот же дар, что и у моих предков, — сказал я. — Дар нашего рода, рода Каспро, называется «разрушение связей». И я ничего не скажу тебе о нем, Эммон. Прости.

— Это ты должен простить мою бестактность, Оррек! — возразил Эммон немного удивленно, и голос его звучал так тепло и ласково, с такими мягкими интонациями, свойственными жителям

Нижних Земель, что я сразу вспомнил мать, и глаза мои, скрытые от всех под повязкой, налились слезами.

То ли Эммон, то ли Грай разожгли огонь в камине, и я почувствовал, как приятное тепло коснулось моих застывших ног. Мы устроились, как всегда, у большого камина в гостиной Каменного Дома Каспро и сидели на каменных скамьях, составлявших как бы одно целое с облицовкой камина. Вечер был холодный, какие часто бывают в конце января. Ветер в каминной трубе выл и ухал, точно там поселились гигантские совы. Женщины со своей пряжей тоже собрались у камина, но с противоположной его стороны, где было больше света. Порой они перебрасывались парой слов или негромко затягивали какую-то длинную заунывную песню, какие обычно поют за подобным занятием, а мы трое в своем уголке, у южной стены гостиной, продолжали беседу.

— Ну а каковы дары остальных жителей вашего края? — спросил неутомонный Эммон. — О них-то, надеюсь, тебе можно рассказать? На что еще способны здешние бранторы, живущие в таких же каменных замках, как ваш? Или у них иные жилища? Какими силами или талантами владеют они? Из-за чего их следует опасаться?

В его словах мне всегда слышалось какое-то легкое недоверие, неизменно пробуждавшее во мне желание сразу же ему возразить.

— Женщины рода Корде могут ослепить человека, — сказал я, — или сделать его глухим, или отнять у него речь.

— Ну это уж совсем никуда не годится! — возмутился Эммон. Мои слова явно произвели на него впечатление.

— Некоторые из мужчин рода Корде тоже обладают этим даром, — промолвила Грай.

— А твой отец, Грай, брантор Роддманта, обладает тем же даром, что и твоя мать?

— Семейство Родд владеет даром ножа, — сказала Грай.

— И что это означает?

— Они могут одним лишь взглядом послать нож человеку прямо в сердце, или перерезать ему горло, или изувечить его этим ножом до неузнаваемости. Лишь бы этот нож находился для них в пределах видимости.

— Клянусь именами всех сыновей Чорна! Вот это фокус! Ничего себе! Я рад, что свой дар ты унаследовала от матери!

— Я тоже этому рада, — тихо сказала Грай.

Эммон так долго квохтал от восторга, что я лишь с огромным трудом подавил желание немедленно рассказать ему о том, на что способны члены моей семьи. Однако рассказывать я стал о семей-

стве Олм, способном зажечь огонь в любом месте, которое увидят и на которое укажут; и о Каллемах, которые одним словом и жестом могут сдвинуть с места любой тяжелый предмет, даже дом или холм. Я рассказал ему, что фамильный дар Моргов — это способность предвидеть события и читать чужие мысли, так что они всегда могут узнать, о чем ты думаешь. Но тут Грай возразила, сказав, что Морги видят только чужие болезни или слабости, но согласилась со мной в том, что Морги все же соседи весьма неприятные, хотя и не слишком опасные. Впрочем, они и сами сознают это, а потому стараются держаться от других подальше и предпочитают оставаться в своих далеких и бедных северных долинах, и о них известно довольно мало, если не считать того, что они умеют выращивать отличных коней.

Затем я рассказал Эммону то, о чем слышал всю свою жизнь, — о крупных землевладельцах Хелварманта, Тиброманта, Барреманта и о воинах из рода Каррантагов, чьи владения расположены высоко в горах, на северо-востоке. Дар Хелваров называется «очищение» и считается родственным дару нашего рода, так что я о нем особенно распространяться не стал. Дар Тибро называется «узда», а дар Барре — «метла». Человек из Тиброманта запросто мог лишить тебя воли и заставить подчиниться любому своему желанию; это и называлось уздой, потому что тебя водили, как коня в поводу. А женщина из рода Барре могла начисто лишить человека способности соображать, сделать его полным идиотом, лишенным даже способности говорить; этот дар назывался «метла», и такого полного «выметания» из головы врага всех мыслей они достигали всего лишь взглядом, жестом да несколькими словами.

Но об этих дарах даже и мы с Грай знали только понаслышке. Здесь, в Верхних Землях, не было никого из представителей этих родов; и бранторы Каррантагов также не желали иметь с нами ничего общего, хотя их люди то и дело шныряли по нашим горам в поисках рабов.

— А вы, значит, отбиваетесь от них, управляя ножами, огнем и тому подобными вещами? — сказал Эммон. — Теперь я понимаю, почему ваши жилища расположены так далеко друг от друга! А что за люди живут на западе? В том обширном крае, который называется, кажется, Драммант? Их брантор тоже чем-то опасен? Мне бы хотелось об этом знать, прежде чем я случайно повстречаюсь с каким-нибудь представителем этого семейства.

Я промолчал, но Грай ответила Эммону:

— Дар брантора Огге — это медленное лишение сил.

Эммон рассмеялся. Откуда ему было знать, что уж над этим-то смеяться никак не стоит.

— Ну вот, час от часу не легче! — воскликнул он. — Ладно, беру назад свои слова насчет тех людей, что способны видеть чужие внутренности и слышать чужие мысли. В конце концов, их дар ведь может оказаться и весьма полезным.

— Только не во время налета, — заметил я.

— Вы что же, все время друг с другом воюете?

— Естественно.

— А зачем?

— Если не будешь драться, над тобой возьмут верх и твой род утратит чистоту, — заявил я презрительно, удивляясь его невежеству. — Ведь для того людям и даны различные дары — для защиты своих владений и своего достоинства, для охраны своего рода. Если бы наши предки не могли себя защитить, мы были бы уже лишены фамильного дара. Мы утратили бы его, смешиваясь с представителями других родов, с простолюдинами или даже с каллюками... — Я заставил себя умолкнуть. Это невольно сорвавшееся с губ слово было презрительной кличкой — так у нас называли жителей Нижних Земель, не обладавших никакими магическими способностями, и раньше я это слово никогда вслух не произносил.

Потому что моя мать тоже была из каллюков. В Драмманте, например, ее все так и называли.

Я слышал, как Эммон встал и принялся помешивать кочергой угли в камине. Потом вернулся на прежнее место и, помолчав, спросил:

— Значит, эти ваши способности, эти дары передаются по наследству, от отца к сыну, как, скажем, курносый нос?

— И от матери к дочери, — сказала Грай, а я промолчал.

— То есть вам приходится заключать браки внутри своего рода, чтобы сохранить свой дар? Ну это я, допустим, могу понять. Но неужели дар сразу исчезнет, если кто-то не найдет себе пару среди своих дальних родственников?

— У Каррантагов этой проблемы вообще нет, — сказал я. — У них и земля богаче, и владения обширней, и людей там живет значительно больше. Там брантор возглавляет десять, а то и больше семей, принадлежащих к одному роду и проживающих на одной территории. А у нас семьи поменьше. И дар действительно может ослабеть или исчезнуть, если слишком часто будут заключаться браки с представителями других родов. Хотя, если дар действительно силен, он все равно сохраняется и передается по наследству — от матери к дочери, от отца к сыну.

— Итак, — Эммон повернулся к Грай, — умение зачаровывать животных ты унаследовала от матери, бранторши вашего рода? — Он придал этому слову форму женского рода, что звучало на редкость нелепо. — А Оррек свой дар получил от брантора Канока? Нет-нет, я больше ни слова не спрошу тебя о твоём даре, Оррек! Но я вот что хочу спросить: скажи мне чисто по-дружески, ты слеп от рождения? Или это ведьмы из Кордеманта, о которых ты говорил, с тобой такое сотворили? Во время очередной феодальной междоусобицы или грабительского налета?

Я не знал, как избежать ответа на этот вопрос, но уклониться не сумел и сказал:

— Нет. Это мой отец запечатал мне глаза.

— Твой отец? Тебя ослепил твой отец?

Я кивнул.

ГЛАВА 2

Понять, что твоя жизнь — это всего лишь некая история, которую потом узнают другие, особенно полезно, когда ты ещё только на середине жизненного пути, ибо тогда ты постарайся прожить свою жизнь хорошо. Но глупо было бы думать, что теперь тебе известно и как пойдёт твоя жизнь, и как она закончится. Это ты узнаешь только тогда, когда жизнь твоя действительно подойдёт к концу.

Но даже если все уже закончилось, даже если речь идёт о чьей-то чужой жизни, о жизни того, кто жил сто лет назад, чью историю я слышал уже много-много раз, каждый раз, слушая её снова, я боюсь и надеюсь, словно и до сих пор не знаю, как именно она должна закончиться. Я как бы снова и снова проживаю эту историю, и она снова и снова оживает во мне. Между прочим, это очень даже неплохой способ пережить смерть. История человеческой жизни — это, как полагает смерть, такая штука, которой именно она, смерть, кладёт конец. Но смерть не в силах понять, что хоть эти истории и кончаются смертью, но не кончаются вместе с нею.

Истории других людей могут стать частью твоей собственной жизненной истории, её основой, тем фундаментом, с которого произрастает твоя история. Так было, например, с той историей, которую мой отец рассказывал мне о Слепом Каддарде; и с историей налета моего отца на город Дьюнет; и с историями моей матери о жизни в Нижних Землях, а также с её историями о тех временах, «когда Кумбело был королем».

Когда я думаю о своем детстве, я словно снова вхожу в зал Каменного Дома, снова сажусь на скамью у камина, или стою посреди нашего грязноватого двора, или захожу на конюшню Каспроманта, где мой отец всегда поддерживал идеальную чистоту. Я вижу себя в огороде вместе с матерью, которая собирает бобы, или с нею вместе у камина в ее маленькой гостиной, что в круглой башне; или мы с Грай вновь поднимаемся на вершину холма, открытую всем ветрам, и эти истории никогда не кончаются...

Высокий толстый посох из тисового дерева довольно грубой работы, рукоять которого была до черноты отполирована за долгие годы, всегда висел возле двери Каменного Дома в полутемной прихожей. Это был посох Слепого Каддарда. Трогать его запрещалось. Когда я впервые о нем узнал, то еще не доставал макушкой до его рукояти, но уже тогда часто подходил к нему и украдкой касался его ладонью — от этого у меня сладко замирало сердце, потому что делать это было запрещено и потому что история посоха была окутана тайной.

Наверное, думал я тогда, этот брантор Каддард — отец моего отца, ибо по малолетству еще не способен был погрузиться в глубины семейной истории. Я знал только, что деда моего звали Оррек и меня называли в его честь. Так что в итоге получалось, что у моего отца было целых два отца. Но меня это почему-то ничуть не смущало, наоборот, казалось чрезвычайно интересным.

В тот день мы с отцом на конюшне чистили лошадей. Отец никому из слуг не доверял ухаживать за своими драгоценными лошадьми и меня начал этому учить, таская с собой на конюшню, когда мне было всего года три. Я помню, что взобрался на высокий табурет и старательно выбирал старую зимнюю шерсть из шкуры нашей чалой кобылы. Через некоторое время я спросил отца, который чистил большого серого жеребца Грейлага в соседнем стойле:

— А почему ты назвал меня именем только одного из своих отцов?

— А у меня был только один отец, — слегка удивившись, ответил он, — в честь которого я тебя и назвал. Почти у всех приличных людей бывает только один отец. — И он засмеялся. Отец мой смеялся нечасто, но тут я еще долго видел у него на губах суховатую улыбку.

— А кто же тогда брантор Каддард? — И вдруг, еще до того, как отец успел мне ответить, я сообразил: — Так он был отцом твоего отца!

— Отцом деда моего отца, — уточнил Канок, окутанный облаком пыли и лошадиной зимней шерсти. Я тоже вернулся к прежне-

му занятию, за что и был вознагражден — жжением в глазах, в носу и во рту, а также полосой чистенькой светло-рыжей летней шерсти шириной примерно с мою ладонь, появившейся на боку нашей славной Чалой, и тем явным удовольствием, с которым она это восприняла. Чалая у нас была как кошка: стоило ее приласкать — и она тут же клала голову тебе на плечо. Но обниматься с ней мне было некогда; я оттолкнул ее и продолжил работу, пытаюсь расширить замечательно яркую полосу у нее на боку. Что-то слишком много дедов и отцов, чтобы всех их можно было упомянуть одному человеку! — думал я.

Тем временем мой настоящий отец, Канок, подошел поближе к тому стойлу, где я трудился, и, вытирая вспотевшее лицо, стал наблюдать за мной. Я же, явно рисуясь, протаскивал гребень по шкуре слишком длинными и плавными движениями, чтобы от них была хоть какая-то польза, но отец мне никаких замечаний не делал. А потом, помолчав, сказал вот что:

— У Каддарда был самый сильный дар в нашем роду, да и на всех западных холмах, пожалуй. Самый сильный, какой помнит наша история. Каков наш дар, Оррек?

Я перестал работать, сошел со своей подставки — осторожно, потому что для меня она была очень высокой, да еще и стояла лицом к отцу. Когда он произнес мое имя, я встал и замер, глядя на него: так я делал всегда, с тех пор как себя помню.

— Наш дар — это разрушение связей, — сказал я.

Он кивнул. Он всегда был со мною снисходительно-нежен. У меня никогда не возникало ни малейшего страха, что он может причинить мне хоть какое-то зло. Подчиняться ему хотелось не всегда, однако, подчинившись ему, я всегда испытывал несказанное удовольствие. И наградой мне всегда служила его удовлетворенная улыбка.

— И что это значит?

Я ответил так, как он учил меня:

— Это значит, что мы способны погубить, разрушить, уничтожить любые связи в человеческом теле и в любом предмете.

— Ты видел, как я применяю свой дар?

— Я видел, как ты заставил плошку разлететься на мелкие кусочки.

— А ты видел когда-нибудь, что я могу сделать с живым существом?

— Я видел, как ты посмотрел на иву и она стала черной и совсем мягкой.

Я надеялся, что на этом он и остановится, но на этот раз он почему-то все продолжал задавать свои вопросы:

— А ты видел, во что я могу превратить животное?

— Я видел, как ты... ты... заставил крысу умереть.

— Как же это было? — Голос отца был тих и безжалостен.

Это случилось зимой. У нас во дворе. Крыса угодила в ловушку. Молодая крыса. Она свалилась в бочку для дождевой воды и не смогла оттуда выбраться. Дарре, наш дворовый, первым увидел ее. Мой отец сказал: «Подойди-ка сюда, Оррек». Я подошел, и он велел: «А теперь стой спокойно и смотри». Я замер и стал смотреть. Я даже шею вытянул, чтоб видеть, как эта крыса плавает в бочке; воды там было примерно до половины. Мой отец встал над бочкой, пристально посмотрел на крысу, шевельнул левой рукой и что-то еле слышно произнес или просто резко выдохнул воздух, не знаю. И крыса скорчилась, вздрогнула и всплыла, повернувшись на бок. Мой отец правой рукой выудил ее из воды. Она лежала у него на ладони бесформенным комком, точно мокрая тряпка. Но я видел ее хвост и лапки с крохотными коготками. «Коснись ее, Оррек», — сказал отец. Я коснулся. Она была совершенно мягкой, точно лишилась костей и стала похожа на мешочек с жидкой кашей. «Я разрушил в ее теле все связи», — сказал отец, пристально на меня глядя, и я испугался, встретившись с его взглядом.

— Ты разрушил в ее теле все связи, — повторил я теперь, вернувшись из того дня в конюшню, и во рту у меня сразу пересохло; мне было страшно смотреть отцу в глаза.

Он кивнул.

— Таков мой дар, — сказал он, — и у тебя он тоже будет. И постепенно я научу тебя им пользоваться. Что значит — уметь пользоваться своим даром, Оррек?

— Это значит — управлять им глазами, рукой, дыханием и волей. — Я сказал так, как он меня учил.

Он кивнул, явно удовлетворенный моим ответом, и я вздохнул с облегчением. Однако отец и не думал прекращать очередной урок.

— Посмотри на этот комок шерсти, Оррек, — велел он. Спутанный комок лошадиной шерсти валялся на полу возле моей ступни. Я вытащил его из гривы чалой кобылы и бросил на соломенную подстилку. Сперва я думал, что отец станет меня бранить за то, что я мусорю в стойле, но у него на уме было нечто совсем иное.

— Смотри только на него. Только на него, Оррек. Никуда глаз не отводи. Сосредоточь все свое внимание только на этом клочке шерсти.

Я подчинился.

— Теперь шевельни рукой... так... — Отец зашел сзади и осторожно приподнял мою левую руку — всю, от плеча до кисти, — пока мои дрожащие от напряжения пальцы не указали точно на комок шерсти. — Так и держи руку. А теперь повторяй за мной, но постарайся сказать это не голосом, а как бы одним дыханием. — И он прошептал что-то, на мой взгляд лишённое всякого смысла, и я повторил это за ним, держа руку так, чтобы она указывала на комок шерсти, и не сводя с этого комка глаз.

Сперва я ничего не заметил; все осталось по-прежнему. Потом Чалая вздохнула, переступила с ноги на ногу, и я услышал, как ветерок шевельнулся за дверью конюшни, а спутанный клочок шерсти на полу слегка сдвинулся с места.

— Он движется! — вскричал я.

— Это всего лишь ветер, — мягко возразил отец, и в голосе его послышалась улыбка. Он вообще как-то приободрился, даже плечи расправил. — Погоди немного. Тебе еще и шести нет.

— Тогда ты сам это сделай, отец! — потребовал я почему-то обвиняющим тоном, страшно взволнованный, даже сердитый. — Давай, уничтожь его!

Я, по-моему, даже не заметил, шевельнул ли он рукой, вздохнул ли. Спутанная шерсть, валявшаяся на полу, вдруг распушилась, расправилась, затем превратилась в горстку пыли и исчезла, а вместо нее на полу осталось лишь несколько чистых длинных светлых волосков.

— Ничего, наш дар придет и к тебе, — сказал Канок. — Он очень силен в нашем роду. Но сильнее всего он проявился в Каддарде. Сядь-ка. Ты уже достаточно большой, чтобы услышать его историю.

Я взобрался на свой табурет. А отец так и остался стоять в дверях. Он был худой, темноволосый, с голыми ногами, в тяжелом черном килте и в короткой куртке, какие носят у нас в горах. Его темные глаза ярко горели на перепачканном лице. Руки у него тоже были перепачканы, но все равно очень красивы — сильные, спокойные, не суетливые. Говорил он тихим голосом, но все равно сразу чувствовалось, как сильна его воля.

И я узнал от него историю Слепого Каддарда.

— Каддард проявил свой дар раньше всех в нашем роду, — сказал мой отец, — и раньше всех детей в самых знатных семьях рода Каррантагов. В три года он порой бросит взгляд на какую-нибудь свою игрушку — и игрушка разваливается на куски; он мог развязать

взглядом любой узел. А в четыре года он сумел защитить себя от бросившейся на него собаки; собака испугала его, и он уничтожил ее. Как я — ту крысу.

Канок помолчал, ожидая, что я кивну в знак того, что все понял.

— Слуги его откровенно боялись, а его мать однажды сказала: «Пока его воля — это всего лишь воля ребенка, он представляет собой опасность для всех, в том числе и для нас самих». Она тоже была из нашего рода, как и ее муж, Оррек; они были двоюродными братом и сестрой. И Оррек прислушался к словам жены. И они решили на три года завязать ребенку глаза, чтобы он не мог невольно воспользоваться своим даром. А пока стали учить его и всячески тренировать его волю. Как я сейчас учу и тренирую тебя. Учился Каддард хорошо. И в награду за безупречное послушание и отличные успехи ему была снова дарована возможность видеть. Повязку сняли, и Каддард вел себя очень осторожно, применяя свой великий дар только во время упражнений и только к таким вещам, которые не имели ни особого значения, ни особой ценности.

Лишь дважды в юности ему довелось по-настоящему продемонстрировать свою силу. Когда брантор Драмманта стал особенно часто угонять скот с чужих пастбищ, родители Каддарда специально пригласили соседа в Каспромант, чтобы он мог полюбоваться тем, как мальчик, которому тогда было лет двенадцать, остановит в полете стаю диких гусей. Лишь взглянув в небо, Каддард заставил гусей упасть к своим ногам и улыбнулся гостю, словно сделал это, лишь желая его развлечь. «Острый глазок», — сказал Драм. И ни разу с тех пор не угнал ни одной коровы из нашего стада.

А когда Каддарду исполнилось семнадцать, из обширных земель Каррантагов к нам явился вооруженный отряд под предводительством брантора Тиброманта. Они охотились на рабов; Каррантагам были нужны мужчины и женщины для работы на новых полях, которые сперва еще предстояло расчистить. Жители Каспроманта бежали в Каменный Дом в поисках защиты; они боялись попасть в рабство и до конца жизни в поте лица трудиться на чужого господина, не имея ничего своего, даже воли, и лишь выполняя его приказы, ибо брантор Тиброманта обладал даром узды и мог полностью подчинить себе любого. Отец Каддарда, Оррек, надеялся, что им удастся удержать оборону, но Каддард, не сказав ему ни слова, потихоньку ушел из дома и, держась опушки леса, выследил сперва одного горца, затем второго, потом еще одного и по очереди их уничтожил...

Я видел ту крысу. Шкурка с жидкой кашей внутри.

— Он подождал, пока остальные захватчики обнаружат тела погибших, — продолжал отец, — и, держа в руках флаг перемирия, вышел на склон холма и остановился там лицом к Долгой Меже. Он был совершенно один. И крикнул налетчикам: «Вы видели, что я сделал. Я находился от этих людей на расстоянии мили, а может, и больше. — Ему приходилось кричать громко, через весь луг, потому что захватчики спрятались за изгородью, выложенной из крупных камней на Долгой Меже. — Не прячьтесь за камнями, не поможет! — крикнул им Каддард и мгновенно превратил в пыль один из самых больших камней, за которым как раз прятался брантор Тиброманта. — Мой глаз остер и силен», — с удовлетворением заметил Каддард и стал ждать ответа. И брантор Тиброманта сказал: «Да, твой глаз остер и силен, Каспро». И Каддард спросил его: «Так вы, значит, пришли сюда, чтобы забрать наших людей в рабство?» И Тибро признался: «Да, нам очень нужны люди». И Каддард сказал: «Я дам вам двух человек, которые будут работать на вас, но как обычные работники, а не как рабы, которых вы оболванили с помощью вашего дара!» — «Хорошо, — сказал брантор Тиброманта, — это щедрый дар, и мы принимаем его и твои условия». И тогда Каддард вернулся домой, вызвал двух наших молодых серфов и отвел их к горцам, сказав, что некоторое время они будут работать на них. А Тибро он сказал: «Возвращайся теперь к себе в горы. Я не стану тебя преследовать».

И горцы ушли. И с тех пор никогда больше не совершали подобных налетов на наши владения.

Вот так Каддард Сильный Глаз прославился и стал известен каждому в Верхних Землях.

Отец умолк, давая мне возможность поразмыслить над тем, что я услышал. Через некоторое время я осторожно взглянул на него, желая узнать, можно ли уже задать ему мучивший меня вопрос. Похоже, было уже можно, и я спросил его о том, что мне хотелось знать больше всего:

— А тем нашим молодым серфам хотелось отправиться в Тибромант?

— Нет, — сказал отец. — И Каддарду не хотелось отправлять их на службу к другому господину и терять рабочие руки, которые и в Каспромманте всегда очень нужны. Но согласно обычаю, если ты применил свой дар, то должен что-то предложить тому, кто от твоего дара пострадал. Это очень важно. Запомни. Повтори, что я сказал.

— Очень важно подарить что-нибудь тому, кто пострадал от применения твоего дара.

Отец одобрительно кивнул.

— Дар от дара, — подтвердил он еле слышно. — Ну а через какое-то время старый Оррек отправился со своей женой и слугами на верхнюю ферму и навсегда покинул Каменный Дом, оставив его своему сыну Каддарду, который и сменил его на посту брантора Каспроманта. И наши владения процветали. Говорят, в те дни на Каменистых Холмах одних овец насчитывалось тысяча голов. А наши белые быки славились на всю округу. Даже из Дьюнера и Даннера приходили люди, желая заранее заключить с нами сделку на покупку этих бычков. Каддард женился на женщине из рода Барре, уроженке Драмманта. Семедан ее звали, и свадьба у них была поистине великолепная. Говорят, Драм хотел, чтобы на Семедан женился его собственный сын, но она ему отказала, несмотря на всю власть и богатство Драмов, и вышла за Каддарда. На их свадьбу люди собрались со всего Западного края.

Канок умолк и шлепнул по крупу чалую кобылу, нечаянно задевшую его своим спутанным хвостом. Кобыла шарахнулась и стала тыкаться в меня мордой, словно прося, чтобы я еще повычесывал из нее старую шерсть и колючки.

— Семедан обладала даром, свойственным ее роду, — снова заговорил отец. — Она ходила с Каддардом на охоту и подманивала оленей, лосей и диких свиней. У них родились дочь Ассал и сын Канок. И все шло хорошо. Но через несколько лет случилась страшно холодная зима, да и лето оказалось холодным и засушливым. Даже трава не уродилась, и на пастбищах скоту не хватало корма. А зерновые и подавно не удались. Среди наших белых быков начался падеж. И за один сезон погибло почти все поголовье этого замечательного скота. И среди людей тоже свирепствовали болезни. Семедан родила мертвого ребенка и долго болела после этого. Засуха продолжалась целых два года, и наше хозяйство совсем пришло в упадок. И Каддард ничего не мог поделать. Природа ему подчиняться не желала. И он жил, снedaемый бессильным гневом и отчаянием.

Я следил за лицом отца. Горе, отчаяние, гнев сменяли друг друга на его лице, точно перед глазами у него вновь вставало то, о чем он рассказывал мне.

— Наши несчастья привели к тому, что люди Драмманта стали вести себя все более нагло; они принялись совершать налеты и грабежи, а однажды выкрали отличного жеребца с нашего западного пастбища. Каддард погнался за конокрадами и настиг их на пути к Драмманту. Злой и распаленный преследованием, он не сумел сдержать свою силу и уничтожил их всех. Их было шестеро,

и один из них оказался племянником брантора Драмманта. Но Драм не мог призвать к кровной мести, потому что его люди откровенно занимались воровством и выкрали у нас лучшего коня. Но этот случай положил начало страшной ненависти между бранторами наших земель.

Да и наши люди после этого случая стали бояться бешеного нрава Каддарда. Если его не слушалась собака, он тут же ее уничтожал. Случайно промахнувшись на охоте, он уничтожал всю растительность вокруг того места, где скрывалась дичь, и деревья и кусты долго еще стояли почерневшими, мертвыми. Один пастух как-то осмелился дерзко ответить Каддарду, и тот в гневе изувечил ему всю руку до плеча. Дети в страхе разбегались, лишь завидев его тень.

Тяжелые времена и в семье порождают ссоры. Как-то раз Каддард стал упрашивать жену пойти с ним на охоту и подманить для него зверей. Она отказывалась, говоря, что нездорова. Он стал требовать, сердито говоря: «Идем. Я должен кого-нибудь подстрелить, в доме совсем не осталось мяса». Но Семедан заупрямилась и сказала: «Иди и охоться. А я не пойду. Я плохо себя чувствую». И, отвернувшись от мужа, заговорила о чем-то со своей служанкой, которую очень любила. Это была девочка лет двенадцати, которая помогала ей ухаживать за детьми. Каддард пришел в ярость. Он встал перед ними и заявил: «Делай, что я говорю, или и с тобой будет то же!» А потом глазами, рукой, дыханием и усилием воли ударил эту девочку, и бедняжка так и осела на пол, точно вдруг лишившись всех своих костей.

Громко вскрикнув, Семедан упала возле девочки на колени, увидела, что та мертва, и гневно воскликнула, повернувшись к Каддарду: «Ну, бей! Что, меня-то небось не решишься уничтожить?» И она так презрительно на него посмотрела, что он, не помня себя, в слепой ярости своей убил и ее.

Собрались слуги, которые все видели, и женщины с трудом удерживали плакавших детей Семедан, не пуская их к безжизненному телу матери.

А Каддард стремительно пошел прочь и поднялся в комнату своей жены. И никто не осмелился за ним последовать.

Когда он понял, что натворил, то сразу решил, как ему поступить. Теперь он не мог больше доверять себе, не мог управлять собственным даром, а потому ослепил себя.

Правда, впервые рассказывая мне эту историю, Канок не сказал, как Каддард ослепил себя. Я был слишком юн и слишком напуган страшной правдивостью этой истории, чтобы расспрашивать его или чему-то удивляться. Но через несколько лет, став старше,

я все же спросил у отца, чем воспользовался Каддард, чтобы ослепить себя? Кинжалом? Нет, ответил мне Канок, он воспользовался своим же убийственным даром.

Среди вещей, принадлежавших Семедан, он нашел зеркало в серебряной раме, сделанное в виде выпрыгнувшего из воды лосося. Купцы, приезжавшие к нам из Дьюнера и Даннера, чтобы заключить сделки с поставщиками скота и шерстяных изделий, иногда привозили с собой кое-какие редкие игрушки и забавы. В первый год своего брака Каддард отдал за это зеркало великолепного белого быка, желая сделать подарок молодой жене. И вот теперь он взял это зеркало в руки, посмотрел в него и увидел собственные глаза. А потом рукой, дыханием, усилием воли и всей дарованной ему силой ударил прямо по этим отраженным в зеркале глазам, и зеркало разлетелось вдребезги. А Каддард ослеп.

Никто не стал мстить ему за убийство жены и девочки-служанки. Ослепнув, Каддард оставался брантором Каспроманта, пока не научил своего старшего сына Канока пользоваться семейным даром. Вскоре брантором стал Канок, а Слепой Каддард отправился на верхнюю ферму и долго жил там среди пастухов, пока не умер.

Мне совсем не понравился печальный и пугающий конец этой истории. Услышав ее впервые, я постарался поскорее выбросить большую ее часть из головы. Мне была по душе только первая ее часть — о мальчике, наделенном таким могущественным даром, которого боялась даже его родная мать, и об отважном юноше, который в одиночку сумел прогнать многочисленных врагов и спасти свои земли. Порой я ходил один на какой-нибудь холм, открытый всем ветрам, и воображал, что я — Каддард Сильный Глаз. Сотни раз я надменно заявлял перепуганным захватчикам с Высокогорья: «Вы видели, что я сделал! А ведь я находился от них на расстоянии мили!» А потом я сталкивал вниз валун, за которым якобы прятались мои враги, и заставлял их трусливо разбегаться на четвереньках во все стороны, как тараканов. Я помнил, как именно отец велел мне тогда держать левую руку, и каждый раз пробовал свои силы, упершись взглядом в какой-нибудь камень и подняв руку, как полагается, но никак не мог припомнить то слово, которое он тогда шепнул мне. Если это, конечно, было слово. «Говори дыханием, а не голосом», — советовал он тогда. Но слово ускользало каждый раз, когда мне уже казалось, что я его вспомнил, и губы не складывались, когда я пытался снова его произнести, если, конечно, губы мои когда-либо вообще его произносили. Я пробовал снова и снова, но с моих губ не слетало ни звука. Однажды, потеряв терпение,

я прошипел нечто совершенно бессмысленное и сделал вид, будто все же заставил камень сдвинуться с места и развалиться на куски, и в воображении моем захватчики обратились в бегство, а я выкрикивал им вслед: «Будете знать, как сильны и остры мои глаза!»

А потом я всегда шел посмотреть, что же случилось с «поверженным в прах» валуном, и один или два раза я был совершенно уверен, что на нем или появилась небольшая трещинка, или от него отвалился кусочек.

Иногда, когда мне надоедало все время быть Каддардом, я становился одним из тех юношей-серфов, которых Каддард отдал в услужение горцам. Разумеется, мне удавалось бежать — с помощью различных хитроумных уловок и устройств — и уйти от погони, а потом я уводил своих преследователей в страшные топи, которые хорошо знал, зато не знали они, и в итоге возвращался в Каспром-мант. Почему серф непременно должен был так уж стремиться в Каспром-мант, где его ожидало почти такое же рабство, как и в Тиброманте, откуда он столь успешно сбежал, я не знал, да мне это и в голову никогда не приходило. Скорее всего, именно так поступил бы любой мальчишка вроде меня: пришел бы домой. Впрочем, мы хорошо обращались с нашими фермерами и пастухами, и недостаток у них был почти такой же, как у нас, живущих в Каменном Доме. Наше благополучие имело единую основу. И вовсе не страх перед даром нашей семьи держал этих людей рядом с нами из поколения в поколение. Наш дар защищал их. Боялись они в основном того, чего не знали или не понимали, а к тому, что было им уже известно, знакомо с детства, они, можно сказать, даже льнули. Так что я твердо знал, куда идти, если меня уведут враги и мне удастся от них сбежать. Я был уверен: нет другого такого места во всех Верхних Землях, а может, и во всем мире, о котором рассказывала мне мать, какое я смог бы полюбить сильнее, чем эти бесплодные холмы, тощие рощицы, мрачные скалы и губительные трясины нашего Каспром-манта. Я и теперь совершенно уверен в этом.

ГЛАВА 3

Второй очень важной для меня историей, рассказанной отцом, была история о налете на Дьюнет. В этой истории мне нравилось все, потому что у нее был самый счастливый конец, какой только можно было придумать. Она заканчивалась, насколько я мог судить, моим появлением на свет.

Мой отец, тогда еще совсем молодой человек, решил жениться и искал себе невесту. Люди из нашего рода жили не только в Каспроманте, но и в Кордеманте, и в Драмманте. Мой дед позаботился о том, чтобы поддерживать добрые отношения с семейством Корде, и даже пытался исправить давно испорченные отношения с Драммантом: не участвовал в грабительских набегах на их земли, запрещал своим людям воровать у них овец и так далее. Во-первых, он не хотел ничем вредить своим родственникам, проживавшим в этих землях, а затем, видимо, надеялся, что его сыну удастся отыскать там себе невесту. Наш дар передавался от отца к сыну, но никто не сомневался в том, что если и мать будет принадлежать к столь одаренному роду, то в детях дар только усилится. Итак, поскольку в Каспроманте не нашлось ни одной подходящей девушки, пришлось искать в Кордеманте, где имелось несколько родственных нам семей, но во всех были только сыновья. Нашлась, правда, одна женщина брачного возраста, но, к сожалению, лет на двадцать старше Канок. Впрочем, такие браки были не такой уже редкостью, а раньше и вообще заключались довольно часто, чтобы любым способом сохранить дар. Но Канок колебался, и, прежде чем Оррек успел заставить сына вступить в брак с этой пожилой особой, брантор Огге из Драмманта женил на ней своего младшего сына. Жителей Кордеманта Огге давно прижал к ногтю, так что и в этом случае они были вынуждены уступить ему.

Таким образом, оставались только те семьи из рода Каспро, что жили в Драмманте. Там имелись две вполне подходящие девушки на выданье, особенно если им дать еще несколько лет подрасти. Обе они с радостью вышли бы замуж за кого-нибудь из Каспроманта, но старинная вражда между Драммантом и Каспромантом во времена правления брантора Огге была очень сильна, и Огге с презрением отверг предложение Оррека и тут же выдал девушек замуж — одной тогда было четырнадцать, а другой пятнадцать лет. Первую он отдал за какого-то фермера, а вторую — за серфа.

Это было настоящим оскорблением — причем умышленным — как для самих девушек, так и для всего рода Каспро, но что еще хуже — подобные браки сильно ослабляли наш дар. Мало кто в Верхних Землях одобрял подобное самоуправство. Честное состязание в умениях и способностях — это одно, а нечестные попытки исподтишка ослабить дар противника — это совсем другое. Но Драммант тогда обладал значительной властью, и брантор Огге творил в своих землях, что хотел.

Короче, ни одной подходящей женщины из рода Каспро, на которой Канок мог бы жениться, так и не нашлось. Впрочем, он не особенно об этом и жалел. Он так мне и сказал:

— Спасибо Отге, что он спас меня от той старухи из Кордеманта, а потом и от этих жалких курочек, малолеток из Драмманта. Мне оставалось одно, и я сказал отцу: «Раз так, я совершу грабительский налет».

Оррек считал, что его сын собрался грабить кого-то из более слабых соседей или, может быть, отправиться на север, в Моргамант, который славился своими прекрасными конями и прекрасными женщинами. Но у Канока на уме была куда более дерзкая затея. Он собрал отряд — десяток крепких молодых фермеров из Каспроманта, двоих или троих наших родственников из Кордеманта, Тернока из семейства Родд и еще кое-кого из Каспроманта или из соседних земель. Все эти молодые люди считали, что кража небольшой группы серфов или какого-либо имущества — отличное развлечение, так что все они встретились однажды майским утром у подножия холма на перекрестке дорог и поскакали на юг.

А надо сказать, что за последние семьдесят лет на Нижние Земли никто ни разу не совершил ни одного грабительского налета.

Фермеры в отряде Канока были одеты в толстые грубые кожаные куртки, заменявшие им боевые доспехи; на головах у них красовались бронзовые шлемы, а вооружены они были копьями, дубинками и длинными кинжалами — на тот случай, если дойдет до кровопролития. Родовитые же юноши облачились в черные фетровые килты, из-под которых сверкали их голые коленки, и куртки; шляп они не надели, а свои длинные черные волосы заплели в косу и закрутили на затылке в пучок. У них не было никакого оружия, кроме охотничьих ножей, собственных глаз и фамильного дара.

— Когда я увидел, сколько нас собралось, — рассказывал Канок, — то пожалел, что сперва не выкрал в Моргаманте несколько тамошних коней. Наш отряд смотрелся бы отлично, если бы не те жалкие животные, на которых ехало большинство моих «воинов». У меня-то был Король — я знал, что это один из предков нашей Чалой, высокий рыжий жеребец, которого сам я, правда, помнил с трудом, — а вот Тернок ехал на вислогубой кобыле, используемой обычно на пахотных работах, и у Батро не нашлось ничего лучше пегого полуслеплого пони. Хотя мулы были довольно красивы — мы взяли трех мулов из тех красавцев, которых разводил мой отец. Но мулов мы вели в поводу: им предстояло везти домой награбленное нами добро.

Отец рассмеялся. Он всегда приходил в отличное расположение духа, рассказывая эту историю. Я четко представлял себе эту небольшую процессию: суровые ясноглазые молодые мужчины верхом на жалких спотыкающихся лошадях едут гуськом по извивающейся в густой траве каменистой тропе, что ведет из Высокогорья в долину. Гора Эйрн виднелась прямо у них за спиной, а рядом — Баррик с ее серыми утесами; потом стали видны, все сильнее нависая над остальным миром, огромные, одетые в белые снежные шапки вершины тех гор, что находятся на земле Каррантагов.

А впереди, насколько мог видеть глаз, расстились зеленые холмы — «зеленые, как берилл», говорил мой отец, и глаза его туманили воспоминания о прошлом, об этих богатых безлюдных землях.

В первый день они не встретили ни единого человека, не увидели никаких признаков человеческого жилья, им не попалось ни стада коров, ни отары овец — только куропатки бросались врассыпную из-под копыт да в небе кружили коршуны. Жители Нижних Земель оставили нечто вроде широкой полосы отчуждения между своими владениями и территорией горцев. Отряд не спеша тащился целый день вслед за подслеповатым пони Батро и остановился на ночлег на склоне одного из зеленых холмов. И лишь на следующий день поздним утром они впервые заметили стада овец и коз на пастбищах, обнесенных каменными изгородями, и увидели в отдалении домик какого-то фермера и мельницу в долине у ручья. Тропа постепенно превратилась в проезжую дорогу, которая становилась все шире и теперь пролегалa уже меж распаханными полями; вскоре они увидели дым над каминными трубами и красные черепичные крыши на залитом солнцем склоне холма — это был город Дьюнет.

Я не знаю, чего хотел добиться мой отец, отправляясь со своим отрядом в Нижние Земли, — может быть, действительно совершить налет на перепуганных жителей города, захватить как можно больше добра и столь же быстро отступить или же достойно, поражая воображение горожан своим грозным видом, въехать в город и предъявить требования совсем иного рода, подкрепив их угрозой применить свои нешуточные способности. Но что бы ни имел в виду Канок, в город он въехал не галопом, а спокойно, без криков и бряцания оружием, в боевом порядке. Так что жители почти не обратили на его отряд внимания, и тот спокойно добрался до рыночной площади, пробираясь сквозь толпы людей, спешивших на ярмарку пешком и в конных повозках и пригнанных на продажу стада скота. Наконец люди разглядели, кто к ним пожаловал, и стали кричать: «Горцы! Горцы! Колдуны!» — а некоторые тут же броси-

лись бежать, стали поспешно запирали двери своих домов и лавок, пытались спасти выставленные на продажу товары. Но те, что пытались убежать, оказались в ловушке, потому что путь с площади им преградили те, что пришли посмотреть на происходящее здесь; возникла давка, прилавки были перевернуты, полотняные навесы сброшены на землю, лошади, сорвавшись с привязи, металась по площади, снося все на своем пути, громко мычал скот, а отряд фермеров из Каспроманта под предводительством Канок размахивал копьями и дубинками, до смерти пугая торговцев рыбой и местных кузнецов. Канок попытался было прекратить панику, грозно крича и ругаясь, причем поносил он не столько горожан, сколько свое «войско», и в итоге пригрозил, что применит свой дар, так что они все же собрались вокруг него, но многие упорно прижимали к груди то, что уже успели стащить с рыночных прилавков, — розовую шаль или медный чугунок.

Отец так мне и сказал:

— Я отлично понимал: если дело дойдет до кровопролития, мы проиграем. Ведь нас была всего горстка, а этих горожан — сотни! — Откуда ему было знать, что такое город? Он ведь в жизни ни в одном городе не бывал. — Если бы я позволил своим начать грабить дома горожан, — продолжал он, — они легко перебили бы нас по одному. Лишь я и Тернок обладали достаточно сильным даром, пригодным и для атаки, и для обороны. Да и что мы могли там взять? Вся площадь была усыпана добром — едой, всякими товарами, одеждой... Разве мы могли все это взять с собой? Мы ведь совсем не за этим туда приехали. Я хотел найти себе жену, но не знал, как это сделать, тем более что все так по-дурацки сложилось. Да и не нужно нам было это барахло; единственное, что нам действительно требовалось, — это рабочие руки, которых в Верхних Землях всегда не хватало. Но было ясно: если я немедленно хотя бы немного не запугаю собравшихся вокруг людей, они на нас накинута. И я поднял флаг переговоров. Как ни странно, они знали, что это такое, и немного притихли. А потом из окна большого дома, что высился прямо над рыночной площадью, высунулся какой-то мужчина и тоже стал махать какой-то белой тряпкой.

И тогда я громко провозгласил: «Мое имя Канок, я из благородного рода Каспро и обладаю даром мгновенного уничтожения, который сейчас вам и продемонстрирую». И я, превратив в бесформенную грудку один из рыночных прилавков, обернулся к толпе, чтобы убедиться, что все это видели. После этого я направил свой взгляд на угол того большого каменного амбара, что выходил прямо на площадь, неторопливо простер в этом направлении свою ничуть

не дрожавшую левую руку, и все увидели, как стена здания вздрогнула, вздулась, из нее на землю посыпались камни и в стене возникла довольно большая дыра, которая все расширялась, а хранившиеся в амбаре мешки с зерном точно взорвались. Потом шум падавших камней усилился, и люди в ужасе закричали: «Довольно, довольно!» Так что я приостановил действие своего дара и снова повернулся лицом к толпе. Теперь они уже гораздо сильнее хотели вступить со мной в переговоры и для начала спросили, что мне от них нужно. И я сказал: «Женщин и мальчиков».

И тут на площади и на всех прилегающих к ней улицах поднялся невообразимый вой. Люди высовывались из окон домов и кричали: «Нет! Нет! Убейте этих колдунов!» Их вопли сливались и были похожи на потусторонние голоса, что слышатся во время сильной бури. Мой конь встал на дыбы и тревожно заржал. И тут в круп ему вонзилась стрела. Я поднял глаза и этажом выше того окна, из которого со мной вели переговоры люди с белой тряпкой в руках, увидел лучника, уже вложившего в лук новую стрелу. И я в гневе ударил его своим взглядом. И он рухнул из окна на мостовую, точно мешок с дерьмом, и остался лежать там бесформенной грудой. А я, заметив, что какой-то человек в толпе поднял камень, собираясь швырнуть им в меня, направил свой взгляд на него, но разрушил только ту его руку, что держала камень, и рука тут же повисла бессильной плетью. Он страшно закричал, и вокруг тоже все закричали, завывали, а в том месте, где упал лучник, возник настоящий водоворот. «Я уничтожу каждого, кто двинется с места!» — громко крикнул я. Они все так и застыли.

Потом Канок велел своим людям окружить его плотным кольцом, пока он будет вести переговоры. Тернок охранял его сзади. И горожане — во всяком случае, те, что вели с ним переговоры от лица города, — согласились скрепя сердце отдать ему пять женщин и пять мальчиков. Сперва они, правда, сказали, что им потребуется время, чтобы собрать «дань», как они это называли, но Канок мгновенно прекратил всякие споры, заявив: «Пришлите сюда немедленно пару десятков тех и других, а уж мы сами выберем таких, которые нам подойдут». И он слегка приподнял свою левую руку; завидев это, горожане тут же согласились с его требованиями.

Прошло всего несколько минут, которые Каноку показались долгими часами; толпа на улицах то рассеивалась, то снова собиралась, подступая все ближе, а ему оставалось лишь осаживать своего разгоряченного коня да самому держать ухо востро, следя, как бы в окне не показался очередной шустрый лучник. Наконец привели

какое-то количество мальчиков и женщин — их гнали на рыночную площадь по улицам города, они плакали и умоляли отпустить их, а некоторые даже падали на колени и ползли на четвереньках, но и их поднимали и заставляли двигаться дальше пинками и ударами кнута. Всего собралось пять мальчиков, все не старше десяти лет, и четыре женщины: две совсем молоденькие девушки из серфов, полумертвые от страха, и две женщины постарше в грязной вонючей одежде, которые покорно шли сами. Наверное, они думали, что жизнь среди колдунов не может быть хуже, чем рабское существование в работницах у дубильщика кож. Больше во всем городе не сумели, видно, найти никого.

Канок решил, что вряд ли стоит настаивать на своих условиях, ибо чем дольше они оставались в окружении враждебно настроенной толпы, тем ближе был тот миг, когда кто-нибудь все же не выдержит и выпустит в него стрелу или бросит камнем, а потом неизбежно начнется потасовка и их попросту разорвут на куски.

И все-таки он не мог допустить, чтобы какие-то торговцы так нагло провели его.

— Здесь только четыре женщины, — сказал он.

Переговорщики заныли, но времени спорить с ними у Канoka не было. Окинув взглядом площадь и окружавшие ее большие дома, он заметил в окне узкого дома на углу женскую фигуру. Женщина была в бледно-зеленом платье цвета ивовых листьев, что, собственно, и привлекло его внимание. Кроме того, она не пряталась, а стояла у окна совершенно открыто и смотрела вниз, прямо на него.

— Ее, — сказал Канок, указывая на эту женщину. Он указал на нее правой рукой, но все вокруг так испуганно ахнули, что он даже рассмеялся. И с нарочито грозным видом воздел правую, безопасную, руку, делая вид, что сейчас всех уничтожит.

Вдруг дверь углового дома отворилась и наружу вышла та женщина в платье цвета ивовых листьев. Она остановилась на крыльце, и Канок мог теперь хорошо ее рассмотреть. Она была молода, небольшого роста, тоненькая. Ее длинные черные волосы красивой волной падали на зеленую ткань платья.

— Будешь моей женой? — спросил ее Канок.

Она на минутку застыла, потом сказала «да» и медленно пошла к нему по разгромленной рыночной площади. На ногах у нее были легкие черные сандалии, сплетенные из ремешков. Канок протянул ей левую руку. Она поставила ногу в стремя, и он, легко вскинув ее в седло, усадил перед собой.

— Можете взять себе этих мулов вместе с упряжью! — крикнул Канок жителям города, помня о «даре дара». Если учесть, сколь небогато было его семейство, это был поистине королевский подарок, а ведь он понимал, что жители Дбюнета запросто могли бы все это отобрать у него, если бы сумели преодолеть свой страх.

Остальных женщин и мальчиков также посадили на лошадей, и отряд Канока спокойно, в боевом порядке двинулся в обратный путь; толпа на улицах молча расступалась перед ними, пока они не выехали за городскую стену и не двинулись по северной дороге к нашим горам.

Так закончился последний грабительский налет жителей Каспроманта на Нижние Земли. Ни Канок, ни его жена никогда больше не ездили по этой дороге.

Ее звали Меле Аулитта. И владела она платьем цвета ивовых листьев, маленькими плетеными сандалиями, в которые сунула ноги, прежде чем выйти из дома, и маленькой подвеской на шее — опалом на серебряной цепочке. Это и было все ее приданое. Канок женился на ней ровно через четыре дня после того, как привез в Каменный Дом. За четыре дня его мать и служанки успели приготовить для новобрачной и наряд, и прочие необходимые вещи; они очень спешили, но работали с огромной радостью и охотой. А потом брантор Оррек поженил их в главном зале Каменного Дома, и на свадьбе присутствовали все члены бравого отряда Канока, ездившего грабить Нижние Земли, все члены семейства Каспро и все жители Западного края, кто только сумел прибыть в Каспромант, чтобы плясать на веселой свадьбе.

— А потом, — сказал я, когда мой отец умолк, закончив рассказывать эту историю, — мама родила меня!

Меле Аулитта родилась и выросла в Деррис-Уотере, в Бенгдрамане, и была четвертой из пяти дочерей священника и одновременно члена городского магистрата. Это высокий пост, так что этот священник-судья с супругой были людьми весьма обеспеченными и воспитывали своих дочерей в праздности и роскоши, хотя и достаточно строго, ибо религия требовала от тамошних женщин скромности, чистоты, покорности и предоставляла немало возможностей жестоко наказывать и унижать тех, кто оказывал неповиновение. Но Адилд Аулитта был отцом добрым и снисходительным, мечтая о том, чтобы его дочери стали посвященными городскому храму девственницами. Меле научили читать и писать, затем она немного занималась математикой и очень много — священной историей

и поэзией; ей преподавали также начатки градостроительства и архитектуры — в качестве подготовки к почетной карьере храмовой девственницы, которую прочил ей отец. Учиться Меле нравилось, и ученицей она была превосходной.

Но когда ей исполнилось восемнадцать, что-то случилось в ее жизни, отчего все сразу переменялось. Я не знаю, что именно там произошло, — она никогда об этом не говорила; стоило спросить — и она, улыбнувшись, переводила разговор на другую тему. Возможно, в нее влюбился ее наставник, а обвинили во всем именно ее. Возможно, у нее был тайный возлюбленный и она даже бегала к нему на свидания. А может, все было куда менее серьезно. Впрочем, ни малейшая тень не должна пятнать репутацию той, что готовится стать храмовой девственницей, от чистоты и непорочности которой зависит благополучие и процветание всего Бенгдрамана. Мне даже приходило в голову, что Меле нарочно все это устроила, чтобы избежать уготованной ей участи провести всю жизнь в городском храме. В общем, в наказание ее отослали из дома к дальним родственникам, жившим на севере, в провинциальном, похожем на большую деревню Дбюнете. Родственники Меле тоже были людьми уважаемыми, порядочными и глаз с нее не спускали, подыскивая для нее среди местных жителей подходящего жениха и без конца приглашая в дом мужчин «на смотрины».

— Один, — со смехом рассказывала она, — был такой маленький, толстенький да еще и с розовым носиком, похожим на пяточок, и, как оказалось, торговал свиньями! А другой был очень высоким и ужасно худым; он одиннадцать раз в день по целому часу молился и хотел, чтобы я молилась с ним вместе.

В общем, когда она выглянула из окна и увидела Канок из Каспроманта верхом на рыжем жеребце, увидела, как он одним взглядом уничтожает людей и дома, то сразу же выбрала его. Точно так же как и он сразу выбрал ее.

— Но как же тебе удалось уговорить твоих родственников отпустить тебя? — спрашивал я, зная ответ и заранее им наслаждаясь.

— А я и не уговаривала. Они все попрятались под столы и под стулья, чтобы этот «колдун» случайно их не заметил и не смог бы им тоже кости растворить. И я просто сказала им: «Не бойтесь. Разве не сказано, что „девственница спасет ваши дома и имущество ваше“?» А потом спустилась по лестнице и вышла из дому.

— А откуда ты знала, что отец тебе ничего не сделает?

— Да уж знала, — усмехнулась она.

Она не знала ни куда едет, ни что из всего этого выйдет, как не знал и Канок, когда спускался с гор, что такое Дьюнет; он-то думал, что Дьюнет похож на наши деревни: несколько домов, хозяйственные постройки, поскотина и десятка два жителей, большая часть которых одновременно отправилась на охоту. Возможно, и Меле тоже думала, что едет в такое место, которое не слишком отличается от ее родного города или, по крайней мере, от Дьюнета, где она жила у родственников и где у нее был такой чистый, теплый, светлый и уютный дом, всегда полный людей. Откуда ей было знать, как живут в горах?

Для жителей равнин горные области были проклятым, ненавистным краем, о котором они постарались попросту забыть. Они почти ничего не знали о горцах. Любой воинственный народ давным-давно бы уже послал туда армию и очистил свои горные тылы от столь опасных соседей и столь нелепых пережитков прошлого, но Бенгдраман и Урдайл — государства мирные, и основное их население — это купцы, земледельцы, ученые и священнослужители, а не воины. Единственное, что сделали жители Нижних Земель, — это повернулись к горам спиной и забыли о тех, кто там живет. Даже в Дьюнете, по словам моей матери, многие уже не верили в страшные сказки о жителях «страны Каррантагов» — чудовищах, похожих на гоблинов, которые верхом на конях устремлялись с гор на равнины, захватывая города, сжигая урожай в полях и повергая в прах целые армии с помощью одного лишь взгляда или мановения руки. Считалось, что подобное случалось очень, очень давно, «когда королем был Кумбело», а в наше время ничего такого быть просто не может. И жители Дьюнета спокойно торговали с горцами и покупали у них замечательных коров и быков цвета молока, но, как сами эти торговцы рассказывали моей матери, эта замечательная порода скота постепенно сошла на нет, ведь земли наверху страшно бедные. И теперь, утверждали эти торговцы, в старых горных поселениях почти никто не живет, кроме пастухов да самых бедных фермеров, которые чуть ли не выскребают жалкие урожаи со своих каменистых полей.

В основном, как впоследствии убедилась моя мать, эти рассказы оказались довольно правдивыми. Хотя и не совсем.

Однако она справедливо считала, что правда далеко не всегда однозначна для всех, как, впрочем, и те домыслы, что потом превращаются в сказки.

Все приключения с героями историй, которые она рассказывала нам в детстве, случались в те времена, «когда королем был Кум-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКЛЯТЫЙ ДАР	5
ГОЛОСА	171
ПРОЗРЕНИЕ	395

Ле Гуин У.

Л 38 Легенды Западного побережья : романы / Урсула Ле Гуин ; пер. с англ. И. Тогоевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 736 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-09955-5

Горцы Верхних Земель, на вид обычные крестьяне, обладают магическими способностями, как благотворными, так и опасными. Но при этом они никак не могут выбиться из нужды и живут в постоянном страхе: что, если одна из семей обратит против другой свой гибельный дар?..

Мирный город Ансул гордился своими библиотеками, школами и храмами, пока его не захватили альды, фанатичные варвары-демоноборцы. Считая культуру бесовским наваждением, они даже чтение и письмо запретили под страхом смертной казни. Но человеку, которого целый год держали в тюрьме и увечили пытками, удалось сохранить несколько драгоценных книг...

Юный Гэвир предвидит будущее, но не может предотвратить катастрофу, грозящую его миру — миру, в котором он вырос рабом. Обретя свободу, которой никогда не желал, он отправляется в неизвестность...

Вошедший в сборник роман «Голоса» удостоен в 2005 году премии американского ПЕН-центра, а роман «Прозрение» — премии «Небьюла» в 2008 году.

Впервые в одном томе публикуется вся знаменитая трилогия Легенд Западного побережья.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

УРСУЛА ЛЕ ГУИН
ЛЕГЕНДЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар, Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.01.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайте: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HMFF1798201R